

Разработка истории философии и общественной мысли

В большом теоретическом наследии Плеханова важное место занимают его труды по истории философии и общественной мысли. Он выступает в этой области как глубокий марксистский исследователь. Его произведения по истории философии и общественной мысли теснейшим образом связаны с защитой и развитием теоретических основ марксизма. Среди учеников и соратников Маркса и Энгельса он выделяется благодаря глубокому пониманию закономерностей развития теоретической мысли человечества, блестящей эрудиции и творческому подходу к анализу историко-философских и историко-социологических проблем. Широта воззрений Плеханова в этой области удивительна. Он анализирует философские системы, сыгравшие наиболее важную роль в мировой истории философии, всесторонне освещает многие этапы истории русской философии и общественной мысли, подвергает раззернутой критике современную буржуазную философию и, наконец, выступает как видный историк философии марксизма, раскрывая ее всемирно-историческое значение.

Ж. Коньо в статье «Г. Плеханов — выдающийся марксистский мыслитель», касаясь значения историко-философских работ Плеханова, направленных против современной буржуазной философии, отмечал, что в число наиболее важных заслуг Плеханова следует включить его выступление против неокантианства, которое еще и сегодня представляет собой одну из модных тенденций реакционной философии, против бергсонизма, а также анархо-синдикалистских теорий Жоржа Сореля и Лагарделля, «социального дарвинизма», который сводил общественные законы к

законам биологическим, а также неомальтузианства и буржуазной социологической «теории факторов».

Само собой разумеется, что в своих произведениях Плеханов уделяет серьезное внимание общетеоретическим и методологическим проблемам. Именно это обстоятельство делает его труды глубокими и актуальными. Конечно, не все, что было написано Плехановым, равноценно. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что политическая позиция Плеханова в меньшевистский период его развития не могла не сказаться на его анализе некоторых конкретных проблем историко-философской науки.

Анализируя предмет истории философии, Плеханов говорит о нем как об истории мировоззрения данной эпохи. Он указывает при этом, что в классовом обществе философия всегда выступает в качестве мировоззрения определенного класса. Содержанием философии является выяснение наиболее общих основ бытия и познания его. В истории философии решение этой проблемы различается в зависимости от того, какой исходный пункт избирает тот или иной мыслитель, — природу или сознание. В первом случае мы имеем материализм, во втором — идеализм. А люди, неспособные к последовательному мышлению, замечает Плеханов, останавливаются на полдороге и довольствуются эклектической помесью идеализма с материализмом.

Философские системы в антагонистическом обществе отражают интересы классов, но, как правило, весьма сложным путем, через промежуточные общественные инстанции — политику, мораль, религию. Классовость в истории философии находит свое отражение в принятии той или иной отправной точки зрения. В истории антагонистического общества бывало и так, что иногда материализм выступал как мировоззрение непрогрессивного класса. «Возьмите, наконец, — пишет Плеханов, — историю философии: во Франции второй половины XVIII века торжествует материализм; под его знаменем выступает крайняя фракция французского tiers état *. В Англии XVII века

* Третьего сословия (франц.). — *Ред.*

материализмом увлекаются защитники старого режима, аристократы, сторонники абсолютизма» (12, т. I, стр. 662). Для объяснения этого явления необходимо ознакомиться с «состоянием умов» в предыдущую эпоху. Как бы хорошо ни познали экономику эпохи, философия, характерная для нее, не может быть познана без знания предшествующего умственного развития.

Плеханов подвергает критике буржуазных историков философии, которые объясняли развитие философии, исходя из филиации идей, игнорируя значение общественной среды, в которой определяющую роль играет классовая борьба. Историки философии, например, бывают совершенно удовлетворены, указывает он, если им удастся объяснить, каким образом философия Спинозы была порождена философией Декарта, философия Фихте — философией Канта и так далее. Но исчерпывается ли этим дело? Плеханов отвечает, что в действительности это не так. Историю философии нельзя объяснить простой филиацией идей. То, какие идеи заимствуются, какой характер носит философия, обуславливается общественной средой, интересами и борьбой классов. Плеханов справедливо замечает, что в работах французских материалистов XVIII в. всё, начиная с ненависти к привилегированным сословиям, сопровождаемой страхом перед «чернью», и кончая борьбой с богом, старым «тираном», отражает устроения наиболее просвещенных слоев тогдашней буржуазии. Пересаженная в другую социальную среду, эта философия исчезла бы или, если бы какие-либо обстоятельства — тоже социального свойства — спасли ее от смерти, приобрела иной характер. Например, английский материализм того же столетия отличается от французского. Социальная структура общества в конечном счете определяет характер философии, просвечивает в содержании философской системы того или иного философа. В книге «Революционный синдикализм» Л. Лагарделля Плеханов подчеркивает следующее место и на полях пишет «заметить»: «Ошибка этих строителей новых систем та же, что у большинства мыслителей, считающих себя выше социальных конфликтов и классовых

отношений. Они преспокойно воображают себе, что их бескорыстная мысль может достигнуть познания абсолютной истины и что, открыв последнюю, им затем только останется предложить ее миру. Но мысль эта носит такие явные следы условий жизни самого мыслителя, что даже сквозь самые неожиданные его построения проглядывает действительное положение вещей, стремления, свойственные тому или другому классу, чувства, исходящие из такой-то и такой-то среды» (64, стр. 28).

Приводя слова Фихте: «От того, каков человек, зависит то, какую философию он себе выбирает», Плеханов замечает: «Разве мы не имеем права со столь же твердым убеждением сказать: философия общества или общественного класса зависит от того, каково это общество или этот класс?» (12, т. II, стр. 175). Но это не означает, что философские идеи непосредственно выводятся из интересов того или иного класса.

Плеханов решительно выступил против вульгаризаторского подхода к анализу философского процесса, против выведения содержания философских учений непосредственно из экономических интересов классов. Он указывал, что нужно различать непосредственные связи и связи, опосредованные промежуточными общественными инстанциями. Исходя из этого, стремление Шулятикова, например, истолковать учение Канта о феноменах и ноуменах как непосредственное выражение корыстных интересов класса капиталистов Плеханов охарактеризовал как вульгаризаторство, пошлость, непонимание того, что философия обладает относительной самостоятельностью, даже в большей степени, чем другие виды идеологии. В «Основных вопросах марксизма» он дает критический разбор одностороннего взгляда Элевтеропулоса на историю философии, его донельзя упрощенных соображений о влиянии борьбы классов на эту историю.

В истории философии Плеханов прочно стоит на позициях партийности, защищая материализм и его современную форму — диалектический и исторический материализм Маркса — Энгельса. Некоторые ошибки, связанные со сближением старого и современного ма-

териализма, не дают все же оснований говорить о наличии серьезных изъянов в трактовке принципа партийности в философии. Другое дело, что Плеханов недостаточно внимания уделяет теоретической разработке этого принципа. Но это иная сторона вопроса.

В своей концепции истории философии Плеханов выдвигает двудединую задачу — анализ социальной и теоретической сторон историко-философского процесса, воззрений того или иного философа. Кто хочет, замечает Плеханов, уничтожить определенного философа во мнении мыслящих людей, тот должен опровергнуть теоретическую часть его учения. Только после опровержения этой части он имеет право указать на то практическое стремление или на то влияние общественной среды, которое побудило рассматриваемого мыслителя исказить истину или помешало ему додуматься до нее. При соблюдении этого условия указание на политические симпатии мыслителя будет содействовать выяснению происхождения его заблуждений. Задача историка-марксиста состоит в раскрытии социального, классового содержания той или иной философской системы посредством анализа ее теоретических проблем. Вопрос о классовости философии решается не внешним образом, а посредством внутреннего раскрытия ее идеологического содержания. Справедливо пишет Морис Кавен: ««Внутренняя» критика идеалистических доктрин имеет целью не только некое интеллектуальное удовлетворение, она равным образом необходима... для придания критике радикальности и решительности. Всякая критика, которая хочет быть разительной, должна быть критикой основ. Ее сила — это сила диалектической аргументации. Плеханов, воинствующий материалист, всегда старался не отступать от этого правила. Это важнейший урок для философов-марксистов» (100).

Решая вопрос о закономерностях историко-философского процесса, Плеханов исключительно глубоко рассматривает проблему исторической преемственности в развитии философских учений. Он исследует закон преемственности и ее конкретные формы в различных философских учениях. Плеханов подчеркивал,

что «если идеи, господствующие в каком-нибудь классе в данное время, по своему *содержанию* определяются социальным положением этого класса, то по своей *форме* они находятся в тесной связи с идеями, господствовавшими в предыдущую эпоху в том же самом или в высшем классе» (12, т. II, стр. 175).

Исходя из идей Маркса и Энгельса, особенно из таких работ, как «Святое семейство» (глава о французском материализме), «Анти-Дюринг» и другие, Плеханов раскрывает различные формы связей философской мысли различных народов, логическое взаимодействие философских систем. В раскрытии исторической преемственности — социальной и логической связи философских учений — сильная сторона его историко-философских произведений.

Наиболее полно, глубоко и обоснованно Плехановым проанализирована история домарксовской философии нового времени, в особенности французский материализм XVIII в., философия Гегеля и философские воззрения Фейербаха. Анализирует он и многие стороны философии Канта, Шеллинга, младогегельянцев и др. Что касается современной буржуазной философии, то Плеханов для своего времени явился одним из виднейших критиков неокантианства, махизма и его эмпириокритической разновидности, философии интуитивизма и т. д.

В борьбе против буржуазных историков философии — К. Фишера, Ф. Ланге, Д. Льюиса, Ф. Ибервега и других — он прослеживает в мировой истории философии материалистическую линию, выступая против всякого рода фальсификаций материализма. Его труды по истории французского материализма принадлежат к лучшим марксистским произведениям, талантливо раскрывающим содержание воззрений таких философов, как Гольбах, Гельвеций и Дидро. Во французском материализме он правильно видит одно из крупнейших достижений философской мысли домарксистской эпохи.

Исходя из основных положений Маркса и Энгельса о французском материализме, Плеханов весьма подробно анализирует философские и социологические взгляды его представителей, раскрывает при этом

индивидуальность их философского творчества. Плеханов писал, что «у французских материалистов была та неоспоримая и незаменимая заслуга, что они мыслили последовательно с точки зрения *современной им науки*» (12, т. I, стр. 513). Французский материализм явился вершиной философии XVIII в., но его значение не было понято ни одним из буржуазных историков философии и не получило должной исторической оценки. Плеханов в предисловии к «Очеркам истории материализма» писал, что взгляды французских материалистов буржуазные историки философии характеризовали неправильно, извращали их.

Главное внимание Плеханов уделил анализу историко-социологических воззрений Гольбаха и Гельвеция. Он писал, что историки философии «игнорируют исторические воззрения Гольбаха, в изобилии рассеянные в «Системе природы» и в других его произведениях» (12, т. II, стр. 34). Плеханов усматривает большую заслугу французских материалистов не только в том, что они развили материалистический взгляд на природу и человека, но и в том, что они пытались рассмотреть основные вопросы общественного развития. Правда, они не сумели не только их разрешить, но и правильно поставить. Однако в их социальных воззрениях отразились социальные требования эпохи. Плеханов отмечает, что в попытках решения ряда теоретических проблем общественной жизни, предпринятых французскими материалистами, нашли свое отражение элементы натуралистического, антропологического материализма. Французские материалисты разработали проблему взаимоотношения человека и общественной среды, опираясь на гносеологическую основу, выдвинутую Д. Локком. Для Гольбаха и Гельвеция человек со всем миром его представлений, чувств и понятий является порождением среды — природы и общества. Взгляд на человека как на плод окружающей среды, отмечал Плеханов, был главной основой новаторских требований французских материалистов. Отсюда у них проистекало требование изменения общественной среды. Но при решении этой проблемы они впадали в противоречивые суждения, выдвинув формулу: мнения людей определяются сре-

дой, среда обуславливается мнением. Из последнего положения вытекал вывод о том, что мнения правят миром.

Плеханов вскрыл противоречивый характер социологической формулы французских материалистов, указав, что они не могли правильно разрешить возникающую антиномию, будучи метафизиками. Они оставались на почве простого взаимодействия. «Материалистам XVIII века не дано было знать «общественное ли мнение» образует социальную среду или социальная среда — «общественное мнение». И в самом деле, для того, кто не может покинуть метафизической точки зрения, нет ничего труднее, чем ответ на этот вопрос» (12, т. II, стр. 76). Вращались они в порочном кругу и тогда, когда соотносили между собой мнение и интерес: мнение зависит от интереса, интерес зависит от мнения. Но французские материалисты глубоко разработали вопрос о влиянии общественной среды на человека, на его мораль.

Интересные мысли мы встречаем у Плеханова в связи с анализом морали Гольбаха. Он отмечает внутренние противоречия, в которые впадали французские материалисты при характеристике морали.

Большое значение имела постановка французскими материалистами вопроса о роли интереса в обществе, о соотношении частного и общественного интереса. Плеханов всесторонне анализирует взгляды французских материалистов, касающиеся отдельных сторон общественной жизни: права, морали, религии, эстетики, вскрывает основные противоречия при решении их. Противоречия, в которых запутывается Гельвеций, отмечает Плеханов, являются следствием его метафизического метода. Но для своего времени взгляды французских материалистов были весьма прогрессивными. Критикуя позицию французских материалистов на роль человеческой природы в истории, Плеханов замечает, что их антропоцентристская точка зрения приводила к множеству противоречий, и не благодаря ей, а вопреки ей им удавалось иногда улавливать истинное соотношение между силами, действующими в истории. Гельвеций, один из наиболее последовательных материалистов этого века, уже по-

чувствовал неудовлетворенность этой точки зрения. Он догадывался, что историческое движение человечества подчиняется своим собственным имманентным законам, но причины этого движения остались неизвестными ему. Он потерпел неудачу в своей попытке дать всецело материалистическое объяснение социальной эволюции.

В анализе французского материализма Плехановым не все равноценно. Он уделил недостаточно внимания теоретико-познавательным вопросам, в отдельных формулировках неправильно сблизил решения проблемы познаваемости мира у французских материалистов и Канта, мало обратил внимания на эволюционные воззрения и на элементы диалектики, которые весьма щедро были разбросаны в произведениях Дидро и отчасти Гельвеция и Ламетри. Сильной стороной исследований Плеханова является их социологический аспект, слабой — недооценка гносеологических проблем.

К исследованию французского материализма, осуществленному Плехановым, теснейшим образом при-мыкает его анализ философии Гегеля. Отмечая основную идею Гегеля об истории философии как необратимом историческом процессе, включающем в свое содержание прогрессивные моменты прошлого, Плеханов писал: «Каждая в данное время «превзойденная» философия была *истинной для своего времени*, и уже по одному этому Гегель не мог отбрасывать прежние философские системы, как старый и никуда не годный хлам. Напротив, по его словам, «последняя по времени философия есть результат всех предшествовавших философий и потому должна заключать в себе принципы их всех» (12, т. I, стр. 424).

Материализм XVIII в. преодолел предшествовавший спекулятивный идеализм, но с начала XIX в. восстановленная идеалистическая философия противопоставила метафизическому методу материалистов метод диалектический. И надо признать, замечает Плеханов, что у нее «было большое преимущество перед материализмом. Она изучала вещи в их *развитии*, в их *возникновении* и *уничтожении*» (12, т. II, стр. 128).

Плеханов посвятил много страниц своих произведений анализу философии Гегеля. Особенно следует выделить его большую статью «К 60-десятой годовщине смерти Гегеля», напечатанную в 1891 г.

Главное внимание здесь Плеханов уделяет рассмотрению философии истории Гегеля, характеризуя его как великого мыслителя.

Анализируя концепцию Гегеля и следуя за оценкой, которую дали ей Маркс и Энгельс, Плеханов приходил к заключению, что диалектический метод дал Гегелю возможность выдвинуть плодотворные идеи в области философии истории. «Значение Гегеля в общественной науке, — замечает Плеханов, — определяется, прежде всего, тем, что он смотрел на все ее явления с точки зрения процесса *des Werdens* (становления), т. е. с точки зрения их возникновения и уничтожения» (12, т. I, стр. 423).

Плеханов анализирует гегелевскую концепцию истории философии, отмечая исключительные заслуги философа в установлении ряда научных положений, что было связано с применением диалектического метода к познанию истории философии. Гегель впервые рассмотрел историю философии как единую и непрерывную целостную систему идей, в развитии которой закономерно происходит обогащение философского знания.

Плеханов обращает внимание на то, что, по Гегелю, каждая система философии была отражением идей своего времени, естественным и необходимым продуктом его и истиной данной эпохи. Взгляд Гегеля монистичен. «Философия Гегеля имеет, во всяком случае, то неоспоримое достоинство, что в ней нет ни атома *эклектизма*» (12, т. I, стр. 430). Положения Гегеля об историко-философском процессе содержат ряд реалистических компонентов, приводящих к противоречию с его идеалистической точкой зрения. «Идеалистическая философия Гегеля, — пишет Плеханов, — сама в себе заключает самое лучшее, самое неопровержимое доказательство несостоятельности идеализма. Но в то же время она учит нас последовательности в мышлении, и кто с любовью и со вниманием пройдет ее суровую школу, тот навсегда получит спа-

сительное отвращение от эклектического винегрета...» (12, т. I, стр. 430).

Гегель идеалистически трактует историю философии в целом и на различных ее этапах. Но он обнаруживает реалистический подход в решении ряда проблем. Плеханов указывает, что Гегель «дает поистине блестящие и в то же время глубоко поучительные характеристики, рассыпая мимоходом ряд самых ценных замечаний о различных сторонах истории данного народа» (12, т. I, стр. 430).

Анализируя взгляды Гегеля по вопросу о конкретной исторической почве греческой философии, Плеханов показывает, что немецкий философ вскрывает реальные факты жизни, обусловившие возникновение и развитие философских школ и идей. Гегель нередко для объяснения изменения философских течений и идей обращается к реалистическому анализу экономических явлений и борьбы классов. «Гегель, — замечает Плеханов, — подсказывает нам материалистическое понимание истории, хотя для него самого борьба классов в Греции является лишь как проявление: «принципа разложения»» (12, т. I, стр. 434).

Плеханов указывает, что у Гегеля государство оказывается не чем иным, как продуктом экономического развития, историческое возникновение брака находится у него в тесной связи с экономической историей человечества. Много реалистического высказано по вопросу о роли географической среды в обществе, роли личности в истории и т. д. «Гегель, — пишет Плеханов, — яснее всех современных ему экономистов, не исключая даже Рикардо, понимал, что в обществе, основанном на частной собственности, рост богатства на одной стороне непременно должен сопровождаться ростом бедности на другой» (12, т. I, стр. 437).

Плеханов подчеркивал, что, хотя Гегель смотрел на историю с позиций идеализма и не смог поэтому научно раскрыть действительный исторический процесс, «он часто вынужден был с туманных высот идеализма опускаться на конкретную почву экономических отношений» (12, т. I, стр. 438).

Чем же вызвано столь глубокое для своего времени истолкование Гегелем истории философии? Плеха-

нов отвечает: немецкий мыслитель был великим диалектиком. В его руках диалектика «становится могучим орудием познания всего существующего» (12, т. I, стр. 443).

Плеханов выступал против искажений диалектического метода. В произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов опровергает взгляды Михайловского и других народников на диалектический метод Гегеля, показывая рациональное содержание принципов диалектики, их огромное значение для выработки Марксом и Энгельсом своего нового философского учения. Маркс в процессе своего отхода от идеалистических воззрений, под влиянием которых находился в молодости, к материалистическому взгляду на историю сохранил диалектический принцип объяснения истории, переработал его на материалистической основе в соответствии с реальными фактами действительности.

Плеханову принадлежит историческая заслуга анализа эволюции философских и социологических воззрений Маркса и Энгельса. Плеханов исследует, какую роль сыграли взгляды Гегеля, Фейербаха, историков периода Реставрации в ходе выработки Марксом и Энгельсом новой философской и социологической концепции, подробно останавливается на теоретических источниках марксизма, показывает историческую преемственную связь марксистской философии со всем предшествующим развитием прогрессивных идей философии и социологии. Он писал, что материализм нашего времени обогащен всеми завоеваниями человеческой мысли, но вместе с тем является принципиально новой философской концепцией. Плеханов в своей речи «Философские и социальные воззрения К. Маркса» сформулировал мысль о том, что Маркс произвел революцию в области философии: «Появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли» (12, т. II, стр. 450).

Это положение Плеханов раскрывает в своих произведениях, в которых он касается вопроса о возникновении марксистской философии. Диалектический

материализм, отмечает он, есть высшее развитие материалистического понимания истории.

Однако следует заметить, что, анализируя историческую преемственную связь материализма Маркса с предшествующей философией, Плеханов в некоторых случаях преувеличивает значение влияния на него философских взглядов Фейербаха, а также взглядов историков периода Реставрации — Минье, Тьери, Гизо. Так, в «Основных вопросах марксизма» Плеханов, касаясь теории познания Маркса, приходил почти к отождествлению ее с теорией познания Фейербаха. Он пишет: «Но все-таки надо признать, что гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» (12, т. III, стр. 137).

В другом месте Плеханов писал, что известные тезисы Маркса «только исправляют» положения материализма Фейербаха. «Но материалистические взгляды Маркса и Энгельса развивались в том самом направлении, которое указывалось внутренней логикой философии Фейербаха» (12, т. III, стр. 144). Эту точку зрения он развивает и в своей работе «От идеализма к материализму».

Указанные положения Плеханова неверны и противоречат его собственным мыслям, высказанным в других произведениях, в которых он отмечает принципиальное отличие диалектического материализма от метафизического. Об этом он не раз говорит в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в других произведениях.

Много интересного и глубокого содержится в произведении Плеханова «От идеализма к материализму», несмотря на указанный недостаток — неправильную оценку философии Фейербаха. Данный здесь очерк истории младогегельянства и его влияния на последующее развитие философии раскрывает в лаконичной форме закономерности развития послегегелевской философии.

Из современных буржуазных философских течений Плеханов останавливает свое внимание прежде всего

на неокантианстве и махизме, а затем на взглядах Кроче, Масарика и др. Ему принадлежит большая заслуга анализа и критического рассмотрения основных тенденций буржуазной философии и социологии конца XIX—начала XX в.

В конце 90-х годов в связи с появлением в немецкой социал-демократии ревизионизма Плеханов выступил против неокантианства, философской основы бернштейнианства. В статье «О мнимом кризисе марксизма» он писал: «Бернштейн и Конрад Шмидт оспаривают материализм. Он кажется им ошибочной теорией. В недавней статье, напечатанной в «[Neue] Zeit», Бернштейн призывает социалистов вернуться... назад к Канту» (12, т. II, стр. 336).

В серии статей, опубликованных в «Neue Zeit» и «Заре», Плеханов подверг критике сущность взглядов ревизионистов-неокантианцев.

Плеханов отверг лозунг «Назад к Канту». В первоначальной редакции статьи «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Ф. Энгельса» он подчеркивает связь неокантианства с оппортунистическим движением внутри социал-демократии, указывая, что попятное движение к Канту есть признак духа оппортунизма.

Подвергнув критике философские взгляды Бернштейна и К. Шмидта, Плеханов указал на непримиримость материализма и кантианской философии, раскрыл положения основоположников марксизма о первичности материи и вторичности сознания, о достоверности познания и о роли в нем практической деятельности людей.

В борьбе против буржуазных и социал-демократических неокантианцев Плеханов глубоко разработал ряд важных проблем диалектического и особенно исторического материализма (о единстве диалектики и материализма, о единстве диалектического и исторического материализма, о соотношении общественного бытия и сознания, о способе производства как основе общественной жизни, об относительной самостоятельности в развитии идеологии и пр.).

В борьбе против неокантианцев Плеханов подчеркивал исключительное методологическое значение положения Энгельса об основном вопросе философии

для всемирной истории философии. Он отверг все попытки неокантианцев стать выше материализма и идеализма.

В статье «Сант против Канта», направленной против Бернштейна, в защиту материалистической диалектики, Плеханов подвергает критике кантианскую метафизику. Он обосновывает главные положения материалистической диалектики, приводит убедительные примеры ее жизненности и приходит к выводу, что выступление Бернштейна против материализма и диалектики имеет под собой политическую подоплеку. «Если Г. Бернштейн, — пишет Плеханов, — отказался от материализма для того, чтобы не «угрожать» одному из «идеологических интересов» буржуазии, который называется *религией*, то его отказ от *диалектики* «ужасами насильственной революции»» (12, т. II, стр. 392).

Разоблачая метафизику и софистику ревизионистов, Плеханов показывает, что марксистская диалектика является единственно научным методом познания и революционным средством изменения действительности.

Выступление Плеханова против ревизионизма, в защиту научного социализма и марксистской философии получило международный резонанс, оно сплотило революционные элементы в борьбе против бернштейнианства, заставило определить свою позицию колеблющихся в социалистических партиях. Оно имело важное политическое значение. Ленин впоследствии писал, что «еще Плеханов в 1900—1903 годах требовал исключения Бернштейна из партии» (3, т. 41, стр. 16).

При всей теоретической значимости произведений Плеханова, направленных против философского ревизионизма, они содержали ряд ошибок, особенно в той части, где рассматриваются вопросы марксистского мировоззрения. Его критика философского ревизионизма иногда покоилась на сближении метафизического и диалектического материализма. При всей правильности решения основных положений теорий познания в отдельных вопросах он делал уступки

агностицизму. В своей полемике с ревизионистами он, как мы уже говорили раньше, допустил ряд неправильных или неточных формулировок в духе «теории иероглифов».

Защищая философский материализм, Плеханов одновременно давал отпор нападкам ревизионистов на исторический материализм, подчеркивал, что материалистическое понимание истории является единственно научным объяснением ее. Вскрывая несостоятельность идеалистического понимания истории, он указывал, что исторический материализм обосновывает историческую неизбежность революционной замены капиталистического способа производства социализмом.

Плеханов обращал внимание на то, что ревизионистские положения Бернштейна созвучны интересам взглядов «легальных марксистов». «Всякая «критика» марксизма и *всякая* его пародия, — если только она проникнута *буржуазным* духом, — непременно понравится той части наших легальных марксистов, которая сама представляет собою *буржуазную пародию на марксизм*» (12, т. II, стр. 402).

Плеханов указывал еще в 1892 г., что торжествующая реакция в России облекается и в философский наряд, что нашло свое отражение в журнале «Вопросы философии и психологии». «Русским социалистам неизбежно придется считаться с этой философской реакцией, а следовательно, и заниматься философией» (12, т. I, стр. 451).

В самом начале 90-х годов Плеханов написал о необходимости выступления против эмпириомонизма Богданова. К этому времени обнаружилось значительное влияние махизма в западноевропейской философии. Это влияние нашло отражение и в социал-демократии. Ф. Адлер выступил с махистской ревизией философии Маркса и Энгельса. В статье «Механизм и материалистическое понимание истории» он подверг критике диалектический и исторический материализм. А. Паннекук в статье «Энергия и хозяйство» рассматривал «энергетизм» Оствальда как вполне правомерную точку зрения в науке и философии.

Плеханов со всей решительностью подчеркивал

антиматериалистический характер философии Богданова.

В 1908 г. Плеханов выступил с письмами «*Materia-lismus militans*», которые были направлены преимущественно против А. Богданова, но в которых содержалась развернутая оценка махизма в целом. Со всей возможной резкостью он подчеркивал в первом письме, что он и Богданов являются представителями двух прямо противоположных мирозерцаний и что Богданов находится вне пределов марксизма, поскольку фундамент этого учения — диалектический материализм. «Ваши философские взгляды, — писал Плеханов, — совершенно непримиримы с диалектическим материализмом» (12, т. III, стр. 213).

Плеханов отмечал прямую теоретическую связь философии Маха со взглядами субъективного идеалиста Беркли. В области гносеологии Мах был противником материализма, но его взглядам в целом присущи и противоречия. В качестве натуралиста Мах, замечает Плеханов, постоянно вынужден, хотя и совершенно бессознательно, переходить на материалистическую точку зрения. И каждый раз, когда он переходит на нее, он попадает в логическое противоречие с идеалистической основой своей собственной философии.

В своем третьем письме Плеханов подверг аргументированной критике богдановскую «теорию объективности и коллективности опыта», его субъективистские представления о мире, о времени и пространстве, как о «сознательно организованном опыте».

К письмам Плеханова об эмпириомонизме Богданова примыкают некоторые его статьи, в которых он критикует последователей махизма (например, Петцольда в статье «Трусливый идеализм»).

Серьезное значение в борьбе против буржуазной философии имело выступление Плеханова против философских взглядов А. Бергсона. Это была первая марксистская критика новой модной философии. В своей рецензии на книгу Бергсона «Творческая эволюция» Плеханов указывал, что Бергсоном допущена принципиальная ошибка в его интуитивной философии: «... попытка взглянуть на процесс возникновения

действительности с его внутренней стороны заранее осуждена на жестокую неудачу: ничего, кроме густого мистического тумана, из нее никогда не выходило и выйти не может» (12, т. III, стр. 318).

В философских трудах Плеханова большое место занимают проблемы истории русской философии, а также русской общественной мысли. Он создал ряд глубоких и ярких работ, посвященных анализу взглядов революционных демократов — Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, А. И. Герцена. В них он показывает высокий уровень философских и политических воззрений великих русских мыслителей, устанавливает историческую преемственную связь между их воззрениями и марксистской философской мыслью в России. Плеханов указывал, что Белинский, Герцен и Чернышевский были предшественниками марксизма в России. Это вполне совпадало с тем, о чем говорили Маркс и Энгельс, подчеркивавшие высокую идейность, научную глубину и революционность демократической мысли в России во второй половине XIX в.

Плеханов показывает, что великие русские мыслители-демократы были прежде всего страстными борцами против самодержавия. Они призывали народ к революции. В отличие от западноевропейских утопистов-социалистов Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов считали, что только на путях народной революции может восторжествовать человеческий идеал — социализм. Вот почему, считал Плеханов, нынешние взгляды и стремления революционеров представляют собой органический продукт истории русского революционного движения.

При рассмотрении взглядов русских революционных мыслителей Плеханов подчеркивал их внутреннюю связь с прогрессивной западноевропейской мыслью, особенно с философией Гегеля и Фейербаха. По его убеждению, материализм Чернышевского был непосредственно связан с материалистической философией Фейербаха, что наложило на его воззрения известный антропологический отпечаток. Но вместе с тем Плеханов подчеркивал, что Чернышевский освободился от многих недостатков Фейербаха и что уди-

вительно не то, что Чернышевский отстал от Маркса и Энгельса, а что он так мало отстал от них.

Плеханов, отмечая благодетельное влияние на него в прошлом мировоззрения Чернышевского, пользовался в борьбе против буржуазных либералов и народников некоторыми положениями и доводами из его идейного арсенала. Вспоминая о влиянии на него романа Чернышевского «Что делать?», Плеханов говорил: «Все мы черпали из него нравственную силу и веру в лучшее будущее» (12, т. IV, стр. 160).

Анализируя философские источники взглядов Чернышевского, Плеханов указывал также на Гегеля. «Для него, — пишет он, — Фейербах не ниже Гегеля, а этим сказано очень много, потому что Чернышевский считал Гегеля одним из гениальнейших мыслителей... Как последователь Фейербаха, Чернышевский был материалистом» (12, т. IV, стр. 78). Определяя характер мировоззрения Чернышевского, Плеханов подчеркивал: «Материализм Чернышевского заметен гораздо более в его «антропологических», чем в его исторических, воззрениях» (12, т. IV, стр. 88).

Плеханов отмечал, что Чернышевский и другие революционные мыслители прошли школу Гегеля и Фейербаха и подобно Марксу создавали свое материалистическое мировоззрение в борьбе с реакционными сторонами немецкой идеалистической философии. Чернышевский заявлял, что в подлиннике Гегель более похож на философов XVII в. и даже на схоластов, чем на того Гегеля, каким его излагали русские философы.

Касаясь метода Чернышевского и отмечая, что он заимствовал многие прогрессивные стороны диалектики Гегеля, Плеханов вместе с тем считает, что его так называемый ««гипотетический метод» не имеет ничего общего с диалектическим методом немецких учителей Чернышевского» (12, т. IV, стр. 101). Это положение Плеханова спорно; бесспорно то, что Чернышевский во многих своих исследованиях плодотворно применял диалектический метод и тем самым входил в противоречие с теоретически развитым им «гипотетическим методом».

Характеризуя историко-социологические взгляды

Чернышевского, Плеханов обращает внимание на их реалистические элементы. Для Чернышевского была несомненна необходимость классового подхода к философским учениям, он прекрасно понимал значение классовой борьбы в обществе, в ряде его экономических и исторических работ значительное внимание уделено роли экономики и труда. Чернышевский написал ряд оригинальных и интересных статей, затрагивающих эти проблемы, например «О поземельной собственности», «Очерки Тюрго» и пр.

Плеханов делает следующий вывод о Чернышевском и значении его взглядов для российской действительности того времени: «В настоящее время, стоя на точке зрения Маркса, мы можем осуждать очень многое в теоретических рассуждениях и практических планах Чернышевского. Но для его времени и для его страны даже те его взгляды, которые мы должны теперь признать ошибочными, все-таки были в высшей степени важными и благотворными, потому что они будили русскую мысль и толкали ее на тот путь, на который ей не удалось выступить в предшествующий период: на путь исследования общественных и экономических вопросов» (12, т. IV, стр. 121).

Однако Плеханов в своей оценке взглядов Чернышевского порой излишне сдержан. Это относится прежде всего к анализу диалектических воззрений великого мыслителя. Плеханов писал, что Чернышевский был материалистом, но в его философских взглядах замечается лишь зародыш, правда вполне жизнеспособный зародыш, материалистической диалектики. Но такая характеристика недостаточно полно отражает отношение Чернышевского к диалектике.

Подход Плеханова к Чернышевскому был критическим, особенно в его раннем произведении о нем, и это было связано с тем, что Плеханову пришлось в 90-е годы бороться за утверждение и распространение марксизма в России, против народничества. Поэтому он иногда проходит мимо того оригинального, самобытного, что имелось в творчестве Чернышевского. И все же Плеханов впервые в истории русской общественной мысли дал глубокий анализ воззрений Чернышевского.

Большую любовь у Плеханова снискали произведения В. Г. Белинского. Его перу принадлежит целый ряд замечательных произведений о нем: «Белинский и разумная действительность», «Виссарион Григорьевич Белинский», «Литературные взгляды Белинского» и многие другие.

В своих произведениях Плеханов впервые дал марксистский анализ эволюции философских взглядов Белинского, раскрыл содержание его мировоззрения. В трудах Плеханова Белинский предстал как великий мыслитель, прошедший сложный идейный путь. «По-нашему, — писал Плеханов, — Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли» (12, т. IV, стр. 466). На протяжении нескольких десятилетий он был духовным вождем общественного движения. В 30—40-х годах он воплотил наиболее полно протест против крепостничества и самодержавия.

Главное в социологических воззрениях Белинского — проблема исторического развития России. Плеханов указывает, что им были выдвинуты весьма важные вопросы социологической теории: об общественно-исторической закономерности, о движущих силах исторического процесса, о роли народных масс и личности в истории. Плеханов назвал Белинского гениальным социологом.

Большое внимание Плеханов уделил анализу эстетических воззрений Белинского. В статье «Виссарион Григорьевич Белинский» он формулирует основные положения его эстетического кодекса. Отмечая некоторую абстрактность отдельных положений этого кодекса, он в то же время подчеркивает реализм и научность эстетики Белинского. «В общем необходимо признать, что, именно опираясь на свой кодекс, Белинский, — писал Плеханов, — мог оказать русской литературе огромные услуги, отбросив, по выражению А. Н. Пыпина, старый романтический хлам и проложив путь для утверждения реализма гоголевской школы» (12, т. IV, стр. 533).

К работам Плеханова о Чернышевском и Белинском примыкают произведения, в которых рассматриваются общественно-политические и философские

взгляды А. И. Герцена. О Герцене Плеханов писал главным образом в меньшевистский период своей политической жизни. Отсюда и проистекали у него некоторые весьма существенные ошибки в оценке общественно-политических взглядов Герцена. Правильно изображая Герцена как самоотверженного борца против самодержавия, Плеханов в то же время неправомерно преувеличивает его духовные колебания, стремится подчеркнуть его непоследовательность, пишет о его неверии в борьбу масс и даже об отказе от классовой борьбы.

Плеханов не уделяет внимания тому обстоятельству, что Герцен в последние годы своей жизни обращается с надеждой к движению пролетариата в Западной Европе.

Нельзя считать правильной оценку Плехановым мировоззрения Герцена. Иногда он правильно отмечал, что развитие Герцена шло от Гегеля к Фейербаху, но этот тезис не развивал, а при анализе философских работ Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» рассматривал их как идеалистические. Говоря о последнем произведении, Плеханов ошибочно писал, что «знаменитые «Письма об изучении природы», наивно принимаемые некоторыми историками нашей литературы за нечто вроде «реалистического» манифеста Герцена, неоспоримо доказывают, что автор их находился под сильным влиянием идеализма — и именно гегелева идеализма» (12, т. IV, стр. 686).

Статьи Плеханова по истории русской общественной мысли XIX в., в которых дан глубокий анализ взглядов революционных мыслителей, примыкают к его незавершенному произведению «История русской общественной мысли». Писал он его в течение семи-восьми лет. Для своего времени эта работа представляла немалую ценность: в ней была предпринята попытка с марксистских позиций проследить основные линии развития общественной мысли в России. Конечно, исходя из современного уровня развития знаний многие представления Плеханова о характере развития общественной мысли, а также оценки ряда русских мыслителей следует существенно уточнить.

Нельзя также пройти и мимо того, что ряд принципиальных теоретических положений, особенно относительно исторического процесса в России, выдвинутых Плехановым в «Истории русской общественной мысли», не может быть принят. Они отражают известное влияние буржуазной историографии, а также политических позиций меньшевизма.

Несмотря на указанные существенные недостатки, «История русской общественной мысли», созданная на основе материалистического понимания истории, нанесла весьма ощутимый удар по идеалистическим и эклектическим представлениям о развитии русской общественной мысли.

Общий план этой работы Плеханова был опубликован в XX томе его сочинений в 1925 г. Он предусматривал исследование истории русской мысли вплоть до начала XX в. Но выполнить этот замысел Плеханову не удалось. Последний написанный им том он закончил главой о Радищеве.

Плеханов анализировал историю русской общественной мысли в теснейшей связи с развитием общественной мысли в Западной Европе. Отмечая известное своеобразие русской общественной мысли, он в то же время подчеркивал влияние на нее западноевропейской мысли.

Одним из существенных недостатков плехановского анализа является подмена вопроса о развитии и смене общественных формаций в истории России проблемой отношения России к Востоку и Западу, которая была будто бы центральной для понимания русского исторического процесса. Прогресс исторического развития в России представлялся ему как процесс отхода от Азии в сторону Европы. Доля истины в этом была, но только доля. Плеханов не мог раскрыть единство общих и специфических закономерностей истории России. Это не могло не наложить печать на анализ истории общественной мысли. Вместе с тем было бы неправильно плехановскую концепцию гражданской истории механически переносить на его анализ истории общественной мысли, философии и литературы.

Так, ложный тезис Плеханова о сотрудничестве

классов как о факторе, определяющем исторический процесс наряду с классовой борьбой, отнюдь не проводится им последовательно в своем произведении. Положение о классовой борьбе как основе всех общественных процессов нередко четко формулируется при рассмотрении взглядов русских мыслителей. В одном из вариантов «Введения» Плеханов пишет, что идилическое представление о мире между классами, составлявшими русское общество, не выдерживает критики таких общеизвестных фактов, как восстания под предводительством Разина и Пугачева, и что ясна роль борьбы классов в деле уничтожения крепостного права.

Плехановым хорошо прослежено влияние западноевропейской мысли, в частности философии и литературы, на русскую общественную мысль, но он (следует сказать, что в этом отношении плехановский анализ в наибольшей степени нуждается в коррективах) нередко проходит мимо того, что являлось национально-своеобразным в истории русской общественной мысли, а также недооценивает уровень ее прогресса на отдельных этапах. В работах советских ученых впоследствии эта сторона проблемы была исследована достаточно основательно.

Подытоживая сказанное, нельзя не прийти к выводу, что Плеханов является видным марксистским историком философии и историком русской общественной мысли. Его перу принадлежат талантливые, богатые по содержанию произведения, которые представляют собой серьезный вклад в марксистскую историю философии. Но далеко не все написанное Плехановым равноценно. Особенно в меньшевистский период его теоретической деятельности в его произведениях мы находим немало теоретических недостатков, серьезных ошибок в некоторых важнейших вопросах и отход от марксизма.